

Пролог

Ласка

— **Д**евочки, всем привет, — прокричала я, забежав в свой салон. — Меня ни для кого нет, все вопросы потом.

Я не смотрела по сторонам, видя перед собой лишь одну-единственную цель — дверь своего кабинета. Мне нужно было срочно забрать документы и свалить из этого места как можно быстрее.

Пока я рылась в столе, дверь распахнулась и в помещение влетел брат. Он напоминал разъяренного быка, кольца в носу не хватало, а вот ноздри раздувались так, что можно было отправлять его на испанскую корриду — без сомнения, он был бы там сейчас самым грозным.

— Ярослав, — пискнула я и, задвинув обратно в стол ящик, отошла.

— Ты думала, я тебя не найду, или что? — Ярик склонил голову к плечу и выжидающе на меня посмотрел. — Два дня бегать от меня по всей Москве.

— Я не бегала, о чем ты, — делано улыбнулась и направилась бочком, вдоль стеночки, надеясь как-то обойти разъяренного брата и сбежать

из собственного кабинета, неожиданно ставшего для меня мышеловкой.

— Слава, — позвал он меня, предостерегая.

Но куда там, я боялась брата на подсознательном уровне и сейчас была близка к самой настоящей панике. Я рванула к выходу, надеясь на чудо, которого не случилось. Брат схватил меня за запястье и толкнул к стене.

— Мирослава, не зли меня! — прокричал он и тут же стукнул ладонью аккуратно у моего лица, и висящая рядом рамочка с фотографией дружного персонала моего салона красоты повалилась на пол.

— Яр, — тихо шепнула и попыталась сбежать, но куда там, Ярослав схватил меня за плечо и впечатал в стену.

Брат замахнулся, но его ладонь замерла в каких-то считанных миллиметрах от моего лица, кожа на его пальцах натянулась и побелела на костяшках. Казалось, что Ярослав сейчас расплющит мне лицо этими самыми пальцами.

— Я же тебя удавлю, Слава, и мокрого места не останется. Потому что мне будет все равно, понимаешь? — жестко проговорил он, а мне стало тошно, по-настоящему тошно, захотелось свернуться калачиком и расплакаться. — Ведь так и так все твои деньги достанутся непонятно кому.

— Яр, пожалуйста, отпусти, — выдавила из себя отчаянную просьбу, до последнего сдерживая слезы. Плечо пульсировало от боли, но я не опукала взгляд, по-прежнему прямо смотря на брата.

Приручи меня

— Мира, отпущу. — Его ладонь чуть отодвинулась, но я не успела вздохнуть от облегчения, потому что пальцы брата тут же сжались на моей шее. — Сейчас придушу тебя собственными руками и отпущу.

— Ярик, — захныкала я, совсем как в детстве, когда просила у него помощи и поддержки.

— Ведь это не жизнь у тебя, Мирка. Ни хрена это не жизнь! — заорал он как ненормальный мне на ухо, а я все же затряслась от рыданий.

— Я не могу, не могу, не могу... — начала бесвязно шептать, захлебываясь слезами, которых неожиданно стало слишком много.

— Ар-р-р, — Ярослав отпустил мою шею и отошел на шаг, разминая ладони. — Мирослава, ты же понимаешь, что выхода нет? Почему ты упрямисься? Неужели это так сложно — переспать с кем-нибудь да залететь? И будет отцу бэбик, мне — фирма, тебе — деньги. Все, Слава. Все. Это же проще простого.

— Я не могу, Яр... я... — начала объяснять, прекрасно понимая безнадежность этого занятия. Как? Как объяснить двухметровому лбу, что меня до сих пор трясет от одного только мужского запаха. Любого. — Ты же знаешь... — обессиленно произнесла и начала оседать на пол.

Совершенно внезапно в одно мгновение моя жизнь превратилась в сущий кошмар. И если два дня назад я еще могла надеяться на то, что это все злая шутка моего отца или способ проучить, то

сейчас, видя перед собой разъяренного Ярослава, я отчетливо начала понимать, что папа не шутил, он был абсолютно серьезен, когда пообещал отобрать все не только у меня, но и у всей остальной нашей семьи, оставив старших братьев практически ни с чем.

— Хватит, Мира! Шесть лет прошло! Шесть! — заорал брат и, подхватив низкий журнальный столик, зашвырнул его в плазму, висящую на стене.

Грохот раздался знатный, и я прикрыла лицо ладонями — пусть делает что хочет, лишь бы меня больше не трогал.

— Я же разобрался с ними, — проревел брат, а у меня к горлу подступила тошнота.

Нет. Нет. Нет.

Я не хотела это вспоминать, особенно то, каким зверем мог быть мой брат. Не хотела, но рвотные позывы никак не прекращались.

Я согнулась пополам, хватаясь за рот, а другой рукой за грудь, и попробовала начать думать о чем-то другом, отвлеченном, а не о крови. Господи боже. Только не о крови, нет.

— Ты же знаешь, на что я способен, Слава.

Знаю. К сожалению, чересчур хорошо.

— И если из-за тебя наша семья лишится половины наших активов, я тебя не пощажу, — брат говорил на удивление тихо, видимо, пока я пыталась прийти в себя, он разгромил весь мой кабинет. Ну и пусть, лишь бы меня оставил в покое, лишь бы ушел...

Приручи меня

— Ты меня слышишь?

— Слышу, — прохрипела, не желая разгибаться. Я смотрела на свои черные кеды и считала стразики на них, мне нужно было как-то прийти в себя.

— Тогда я надеюсь, что ты сегодня же приступишь к поиску папаши для своего будущего ребенка.

Я уже открыла рот, чтобы послать братца к черту. Но тут же в голове начали всплывать кровавые образы, и я усиленно закивала, а потом, все же разогнувшись, прошептала:

— Хорошо.

Провела ладонью по лицу, вытирая слезы, и зачем-то повторила — наверное, пытаюсь убедить в этом саму себя:

— Хорошо, я сделаю все, как указано в папином завещании.

Брата перекосило, но он, крепко сжав челюсти, кивнул мне и, развернувшись, покинул мое прибежище. В распахнувшуюся дверь кабинета тут же начали заглядывать работницы моего салона. Еще бы. Они, наверное, все слышали.

Я запустила пальцы в волосы и оглянулась. Брат и правда разнес здесь все: сертификаты, прежде висевшие на стенах, теперь грудой валялись на полу. Про рабочий стол, оборудование и лаки даже говорить нечего — все это напоминало одно сплошное месиво.

Мой взгляд зацепился за клатч, и я тут же бросилась к нему, достала телефон, судорожно при-

ложила большой палец, чтобы гаджет считал мой отпечаток, и начала рыться в последних вызовах.

Затем с трудом поднялась с пола и, уже когда по нужному номеру пошли гудки, обернулась и махнула своим девочкам, чтобы они убрались отсюда вместе со своими любопытными носами.

— Слушаю, — на том конце провода прозвучал приятный низкий голос, от которого по моему телу прошла волна озноба.

— Здравствуйте, Мирослав, это Огнева Мирослава. — Я облизала пересохшие губы, беря у судьбы секундную передышку перед прыжком в пропасть.

Потому что мужчина, замерший в ожидании моего ответа, был ничем не лучше брата, а возможно, и хуже, и, чтобы это понять, мне хватило одной-единственной встречи. Я еще раз оглянулась вокруг: разбросанные разноцветные лаки напоминали сюрреалистическую картину моей поломанной судьбы. У меня не было выбора. Никакого.

— Я согласна на ваше предложение, — четко и ясно проговорила я, понимая, что это единственный способ сохранить саму себя, семью и поставить на место брата.

— Прекрасно, я знал, что ты согласишься, — усмехнулся Мирослав, а меня затрясло от этого самодовольства, напыщенности и раздутой самоуверенности, — поэтому уже начал готовить контракты.

Приручи меня

— Почему в множественном числе? — застыла я.

— Один для нас с тобой, о котором не будет знать никто, а второй для твоих родственников. Я изучил уже все пункты в так называемом завещании твоего отца. У нас получится сделать это, Мира.

И почему от его уверенных слов меня опять за-тошнило?

Глава 1

Два дня назад

Ласка

— *Л*юдочка, все, я домой, — перегнувшись через стойку администратора, я позвала девушку.

Раздался стук, и тут же из-под стола вылезла девушка, потирающая свою макушку.

— Простите, Мирослава Станиславовна, просто у меня иголка из рук выпала. — Девушка тут же помахала иглой с широким ушком и длинной розовой ниткой мулине, как бы доказывая, что она не просто так сидела под столом. Я усмехнулась и, перегнувшись еще чуть-чуть, взяла со стола ее канву: выходило что-то красивое.

— Это будет дом?

— Да-да, дом и звездное небо, — мечтательно протянула Людочка и начала воодушевленно рассказывать дальше: — Я прочитала на форуме, что вышивать этот домик нужно начинать на определенные лунные сутки, и когда завершишь работу, то обязательно все сложится с местом жительства. Кому-то одобряют ипотеки, кто-то так покупает квартиры. — Девушка хлопнула в ладони и восторженно посмотрела на меня.

Приручи меня

— Оу, — это все, что я смогла выдать из себя. — Удачи тебе, дорогая, с вышивкой и с покупкой дома. Я пошла, ты не забудь все закрыть и включить сигнализацию.

Быстро добежала до машины и, запрыгнув на заднее сиденье, поздоровалась с водителем.

— Что-то вы сегодня быстрее, чем обычно, Мирослава Станиславовна.

— Ой, и не говорите, дядя Ваня, — достала из кармана телефон и начала проверять входящие сообщения, — папа попросил приехать раньше, говорит, у него какое-то срочное дело ко мне. Не знаю, — пожалала я плечами и, устало прикрыв глаза, прислонила голову к сиденью.

Дома было тихо, даже прислуги — и той видно не было. Я, не раздеваясь, дошла до кабинета отца и постучала.

— Папа?

— Дочь, милая, проходи, — раздался сухой голос отца, и я переступила порог. — Нам нужно поговорить с тобой.

— Я поняла уже. — Расстегнула молнию на куртке-бомбере и села на стул.

— Милая, не могла бы ты снять эту кофту, — недовольно проворчал отец. — Ненавижу всю эту американщину, ты все-таки девушка, а не член футбольной команды этих самых американцев.

Я покачала головой и стянула свою любимую спортивную куртку-американку с большой синей буквой «М».

— Спасибо, — кивнул отец. Странно, черный топ под грудь, в котором я была, его не смутил. — У меня к тебе важный разговор.

— Ты уже говорил, пап.

— Я изменил завещание.

— Опять? — усмехнулась я, пытаюсь припомнить, какое это уже было завещание по счету.

— Окончательно, потому что я уже все отписал тебе.

— Что, прости? Что значит все? Папочка, ты вообще о чем? — Я сложила руки в замок и наклонилась ближе к отцу, облокотившись о стол.

— То и значит. Нет, я отписал кое-какие активы Ярославу и детям Святослава, ему нельзя много, сама знаешь. — Я потерянно кивнула: да, Свят у нас политик, и почти все его имущество давным-давно переписано на детей и жену. — Даже тридцать процентов нашей корпорации я отписал Яру.

— Папа, ты издеваешься? — не сдержалась я.

Ярослав был одержим нашим семейным делом, лет с шестнадцати начал работать на отца и, кажется, все же обрел счастье два года назад, когда отец ушел на так называемый покой. И теперь вот так с Яриком.

— Пап, да он же меня убьет.

— Это еще не все, — продолжил отец, будто не слыша меня, — есть ряд кое-каких условий, не выполнив которые ты не сможешь вступить в права, и тогда все твое имущество направится в четыре разных фонда еще при моей жизни.

Приручи меня

Я тяжело вздохнула, пытаюсь понять, чего же хочет отец.

— Какие условия? — напряженно выговорила и тут же положила ладонь себе на коленку, пытаюсь успокоиться, потому что неосознанно уже всю трясла ногой.

— Ты должна родить ребенка.

— Тебе что, внуков мало? — выкрикнула я и подорвалась с места. — Да Свят за всех нас отстрелялся. — У брата было четверо детей, дочь стала олимпийской чемпионкой по художественной гимнастике. Так-то. Отличный генофонд. — Что тебе еще нужно?

— Мне нужно, чтобы ты выбросила из своей головы все эти глупости и наконец-то зажила нормальной человеческой жизнью.

— Это не глупости! А мой, — ткнула себя пальцем в грудь, повышая голос, — мой выбор. Понимаешь, пап? Я думала, вы поняли меня с мамой.

— Ты издеваешься? — ругнулся отец, все же его маска дала трещину и наружу проступили разочарование и отвращение. — Я никогда в жизни не поверю, что ты на самом деле из этих, — он пренебрежительно махнул ладонью.

— Даже вслух произнести это не можешь, — я усмехнулась. — Я лесбиянка, папочка, да-да, — отрапортовала фразу, от которой у меня уже образовалась оскомина на языке, — и не перевариваю, просто не выношу мужчин. Да и детей я тоже не хочу. Но тебе же все равно.